

Когда Фу Цзяньси вернулся домой, Дацзянь как раз поливал плодовые деревья на заднем дворе. Оставив пакет с завтраком на плетеном столике, Цзяньси зашел на кухню за глубокими мисками и тарелкой. Разложив еду, он устроился в кресле, наблюдая, как Дацзянь тащит из палисадника очередное ведро.

— Ешь давай, меня не жди, сейчас закончу! — Дацзянь вылил воду под корень молодой груши, которая как раз собиралась зацвести.

Цзяньси не то чтобы ждал друга, его просто заворожил вид дерева.

Груша зацветала пышно: ветки сплошь покрывались нежными белыми пятилистниками. Цвели они недолго — точных дней Цзяньси никогда не считал, — а стоило лепесткам опасть, как пробивалась первая изумрудная листва. Дерево росло здесь почти столько же, сколько жил он сам. Каждый год оно радовало буйным цветом, но плодов давало мало, да и те были кислыми — челюсть сводило.

— Заботливый какой, — хмыкнул Цзяньси, пододвигая к нему порцию побольше.

— А то! В жены сгожусь? — Дацзянь, перед тем как накинуться на еду, шутливо подмигнул.

— Избавь меня от этого... Тьфу, блин, весь аппетит испортил. — Цзяньси принялся вылавливать из своей миски с доуфунао брокколи и перекладывать другу.

Вообще-то вчера они знатно набились мясом — жарили все подряд, из зелени на столе были только острый перец да чеснок. Но если Цзяньси отпахал десятичасовую ночную смену, то Дацзянь дрых всю ночь без задних ног, а наворачивал сейчас так, будто сам всю смену вагоны разгружал.

— Ты чего такой голодный? Куда делись вчерашние мраморная говядина и ягненок? — спросил Цзяньси, откусывая хрустящий ютяо и глядя, как друг практически ушел лицом в миску.

— Ух, хорошо пошла! — Дацзянь в один присест заглотил половину жареного теста и невнятно пробормотал: — Да вчера уже ложиться собирался, и тут пацаны из общаги откуда-то новый видос откопали... Короче, не удержался, подрочил разок. — Он шумно прихлебнул бульон, проглотил кусок и мечтательно уставился в небо, жуя ютяо с самым бесстыжим видом. — А глубокой ночью как жор напал — думал, с ума сойду!

— Всем общежитием, что ли, на один видос наяривали? — Цзяньси попытался представить эту картину. От такой дичи кусок в горло не лез.

— Ну ты и пошляк, Цзяньси! У тебя мозг совсем на порнухе повернулся, — заржал Дацзянь, но

аппетита не потерял. Он мгновенно умял свою порцию, а затем без зазрения совести доел то, что оставил Цзяньси.

— Твои руки работали, а мои мозги виноваты? Хотя постой, как-то двусмысленно звучит...

— Твою мать!

Через секунду оба приснули со смеху. Обычные дурашливые будни двух парней.

После завтрака Цзяньси отправился спать. Дацзянь нужно было ехать в агентство на тренировку по пластике; уходя, он пообещал привезти обед.

Проснулся Цзяньси около часа дня, проспав крепким сном почти шесть часов. Удивительно, но Дацзянь его будить не стал. Спустившись на первый этаж, Цзяньси заметил у входа черный рюкзак друга. На обеденном столе выстроилась стопка контейнеров. Судя по капелькам конденсата на пакете, еда была еще теплой, а значит, Дацзянь вернулся совсем недавно.

— Дацзянь? — позвал Цзяньси. Тишина.

Из палисадника донеслись глухие голоса. Дацзянь с кем-то разговаривал. Какого-то «дядю» упоминал...

Какого еще дядю? Мужа тетушки Ли? Или электрика из ТСЖ?

Цзяньси подошел к окну гостиной, выходящему во двор. Дацзянь стоял лицом к лицу с мужчиной, который был заметно выше него.

Разглядев гостя, Цзяньси оцепенел.

Знакомый... незнакомец.

Именно так он мысленно определял Фу Тяньюя. Слишком много лет они не виделись, чтобы оставаться близкими. Но общая кровь никуда не делась, так что какая-то призрачная связь все же существовала.

Когда умирала бабушка — его не было. Когда хоронили дедушку — его тоже не было. А теперь явился... Какая легкая, свободная жизнь.

Цзяньси ушел в кухню, налил полстакана горячей воды, разбавил холодной кипяченой. Теплая вода немного утихомирила занывший желудок.

Вернувшись в столовую, он принялся распаковывать обед, расставляя коробочки. Одноразовых палочек в пакете не оказалось — и к лучшему, он их терпеть не мог. Он достал из ящика две пары нормальных палочек, выдвинул стул, но так и не сел. Постоял в нерешительности, подошел к двери. Во дворе царило молчание.

Стоило Цзяньси приоткрыть дверь, как оба мужчины одновременно обернулись. На их лицах отразилось замешательство: у Дацзяня — явная тревога, у Фу Тяньюя — секундное оцепенение, сменившееся паникой.

Цзяньси очень хотелось спросить: «Чего ты испугался? Отец пришел к сыну — и дрожишь как осиновый лист?»

Но он промолчал. У каждого из троих на уме было свое.

— Сначала поедим, — негромко сказал Цзяньси другу и вернулся в дом.

— Угу, — Дацзянь тут же шагнул следом.

Фу Тяньюй помедлил мгновение и тоже вошел.

Парни уселись друг против друга за стол. Еда еще не остыла. Дацзянь то и дело поглядывал на Цзяньси, а затем косился на Фу Тяньюя, который сидел на диване, опустив голову.

Обед проходил в удушающем безмолвии. Дацзянь чувствовал, как кусок встает поперек горла. Если бы Цзяньси злился, кричал — это было бы понятно, с этим можно было что-то делать. Но это ледяное, абсолютное спокойствие пугало больше всего.

Ощущение было такое, словно стоишь на кромке просыпающегося вулкана и ждешь взрыва.

Минут за двадцать они управились с горячим и рисом. Дацзянь поспешно собрал пустые контейнеры в пакет и выставил за дверь. Когда он вернулся, Цзяньси уже мыл стаканы на кухне. Он приготовил три чашки чая.

«Какая поразительная вежливость, — мрачно подумал Дацзянь. — Так и подмывает выругаться».

Дацзянь сел на диван напротив Фу Тяньюя. Цзяньси вынес чай и молча расставил стаканы.

Когда чашка опустилась перед Фу Тяньюем, тот резко вскинул голову и впился взглядом в сына. Он не сводил с него глаз, пока Цзяньси не устроился рядом с Дацзянем. Лишь после этого старший Фу отвел взгляд и принялся затравленно осматривать комнату.

— Говори, — нарушил тишину Цзяньси.

Дацзянь едва не подпрыгнул на месте. Твою мать, до чего же холодный, безжизненный тон. От этого спокойствия веяло такой скрытой угрозой, что дышать становилось тяжело.

Цзяньси заметил, как друг рядом заерзал. Дацзянь достал сигарету, сунул в рот, но, заметив тяжелый взгляд Цзяньси, раздраженно швырнул ее на журнальный столик. Порывшись в карманах, он выудил пластинку жвачки и яростно зажевал.

Судя по звуку, Дацзянь сейчас с легкостью перемолол бы в муку даже булыжник. Слишком прямой, слишком горячий — он не умел скрывать эмоций и с трудом сдерживал раздражение. Цзяньси мысленно вздохнул: тяжело парню дается эта дипломатия.

— Я... я ведь здесь впервые. А тут... неплохо, — сипло выдавил Фу Тяньюй. Голос звучал тускло, то ли от волнения, то ли от застарелой усталости.

В этом доме когда-то жили дедушка с бабушкой. Из этих стен Цзяньси проводил их в последний путь. Для него это гнездо было средоточием памяти и тепла, но для Фу Тяньюя оно, очевидно, оставалось источником глухого гнета и вины. Каждая секунда здесь давалась ему с трудом.

Осознав это, Цзяньси ощутил, как в душе поднимается темная, мстительная волна. Раз так — пусть помучится подольше.

Цзяньси полоснул его тяжелым взглядом. Отец упорно избегал смотреть сыну в глаза. На Дацзяня у него еще хватало духу поглядывать, но перед собственным сыном он тушевался.

В какой-то момент Цзяньси стало тошно на это смотреть, и он отвернулся к окну.

По одной лишь ауре Фу Тяньюя было ясно: этот эгоистичный, бессердечный человек и сам не нажил себе счастья. Разменял все, что имел, на гроши.

Полное ничтожество.

Бросил жену, оставил ребенка, не приехал проводить родителей на погост — и ради чего? Чтобы превратиться вот в это?

Вымахал под метр девяносто, еще и пятидесяти нет, а сидит сгорбившись, плечи острыми углами торчат из-под дешевой одежды, пальцы — сухие кости, обтянутые кожей. Лицо осунулось, изможденное, глубокие морщины превращали его в старика. Цзяньси унаследовал от бабушки бледную кожу и легкие веснушки на щеках, но у Фу Тяньюя бледность была мертвенной, восковой. Смотреть на него было жутко — словно перед ними сидел живой мертвец.

— Этот дом записан на тебя, — произнес Фу Тяньюй. Это был не вопрос, а констатация факта.

Цзяньси даже не удостоил его усмешкой. Начинается.

— Ближе к делу, — отчеканил он ледяным тоном.

— Можно... нельзя ли заложить его под кредит?.. — слова давались Фу Тяньюй с трудом, он запинался на каждом слоге.

— Нет, — жестко оборвал его Цзяньси.

— У меня нет другого выхода! Если я не отдам долг, меня отправят отрабатывать в Юго-Восточную Азию! — Фу Тяньюй впервые за весь разговор прямо посмотрел на сына. Этот мальчишка вырос совсем не таким, как он ожидал. В нем чувствовалась порода ушедших стариков — упрямая и гордая сила.

— А разве не там тебе самое место? — спросил Цзяньси. Он нахмурился и сжал губы в тонкую линию.

— Я... но ведь этот дом... — Фу Тяньюй забормотал что-то невнятное, так и не решившись договорить.

— Хочешь сказать, что не желаешь гнуть спину на чужбине, а этот дом по праву должен принадлежать тебе как первому наследнику? — Цзяньси без обиняков высказал то, что отец трусливо держал при себе. — Ну и что с того?

Фу Тяньюй беззвучно хватал ртом воздух, словно выброшенная на берег рыба.

— Твоя единственная дорога — ехать и отрабатывать долги, — Цзяньси смотрел куда-то сквозь стену, его лицо оставалось пугающе спокойным, но взгляд был абсолютно пустым. — Допустим, я бы согласился. Заложил бы дом, отдал деньги тебе.

Фу Тяньюй, чей облик до этого выражал лишь глубокую скорбь и убожество, при этих словах на мгновение просиял. Надежда вспыхнула в его глазах грязным огоньком.

— Я сказал: допустим, — осадил его Цзяньси, пристально наблюдая за реакцией. — Чем ты будешь отдавать кредит? У тебя есть хоть какой-то доход?

Отец оцепенел, и этого было достаточно. Он и не думал ничего отдавать. Ему просто нужны были деньги здесь и сейчас, а последствия его не волновали.

— Хм... Ну конечно. Ты хотел заложить дом, забрать остаток и раствориться в воздухе? Забудь.

Эти два слова — «забудь об этом» — прозвучали как окончательный приговор.

— Я наводил справки... Даже после выплаты долга останется приличная сумма... — Фу Тяньюй попытался зайти с другой стороны. Он хотел убедить сына, что после продажи дома с молотка им обоим хватит на безбедную жизнь.

— Я сказал: забудь! — резко выплюнул Цзяньси.

Дацзянь рядом даже вздрогнул, мысленно выругавшись. Наконец-то прорвало! А то эта тягомотина за обедом его уже до печенок протряла. Давно пора было выставить этого упыря.

— Это дом бабушки и дедушки. Даже не думай о нем, — Цзяньси подавил вспышку гнева и холодно добавил: — Уходи.

В глазах Фу Тяньюя наконец-то вспыхнула злоба. Он уставился на сына из-за стола, упираясь ладонями в колени. Медленно поднялся, не сводя с Цзяньси бешеного взгляда, а затем круто развернулся и вымелся вон.

— Ну и мразь, — выплюнул Дацзянь, едва за гостем захлопнулась дверь. — Поехали ко мне. Мать как раз напекла мясных лепешек с говядиной.

Дацзянь поднялся и ободряюще похлопал друга по плечу. Видя, что тот все еще сидит неподвижно, он деликатно ушел в спальню, давая ему побыть одному.

Цзяньси медленно обвел взглядом комнату. Он знал здесь каждый сантиметр, каждую щербинку на полу, каждый скрытый от глаз уголок.

Интересно, дедушка и бабушка все еще здесь, приглядывают за ним?

Их драгоценный сын только что ушел.

Он даже не спросил, где их могилы. Не поинтересовался, как живет его собственный ребенок... Пришел, чтобы отобрать последнее наследство.

Что ж, пусть на небесах и под землей люди говорят на разных языках. Пусть они ничего не поймут из того, что здесь произошло. Или, хочется верить, они, как и он сам, давно вычеркнули этого человека из своего сердца.

Иногда нужно уметь отрезать прошлое без жалости — так гораздо проще жить.

Цзяньси уже давно запретил себе чувствовать что-либо к родителям, кроме неизбежного факта кровного родства. Никаких ожиданий, никаких пустых надежд.

Он потер лицо ладонями, а затем с силой хлопнул себя по бедрам.

Мясные лепешки. Горячие, сочные лепешки у Дацзяня дома. В конце концов, война войной, а обед по расписанию.

— Дацзянь, собирайся! Едем к твоим, — крикнул он в сторону спальни.

— Иду, иду! Наконец-то! Твою мать, еще бы пара минут твоего молчания, и я бы точно лопнул, — ворча на ходу и натягивая кроссовки, Дацзянь вывалился из комнаты.

Они наскоро привели себя в порядок и вышли из дома, направляясь к машине.

<http://bllate.org/book/18325/1759237>